

лексікі). Нам уяўляецца, што прапануемы метал будзе садзейнічаць вырашэнню таксама і іншых педагагічных задач: агульнаадукацыйных, развіццёвых, выхаваўчых і матывацыйных.

СИТУАЦИИ РЕЧЕВОГО ЭТИКЕТА И СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ

Поэма Н. В. Гоголя «Мертвые души»
на уроке культуры речи

Т. Г. МИХАЛЬЧУК,

*заведующая кафедрой русского языка Могилёвского
государственного университета им. А. А. Кулешова,
кандидат филологических наук*

На одном из занятий по культуре речи учащиеся работают над поэмой Н. В. Гоголя «Мертвые души». В качестве домашнего задания им предлагается подготовить следующие сообщения: «Ситуации речевого этикета в поэме Н. В. Гоголя «Мертвые души», «Н. В. Гоголь и современность», «Поведение — это зеркало, где каждый показывает свой лик», «Что помогло Павлу Ивановичу Чичикову добиться успеха в его делах?» и др.

Ученики прослушивают записи чтения поэмы Н. В. Гоголя выдающимися артистами.

При проведении занятий учитель акцентирует внимание на том, что большое место в поэме Н. В. Гоголя «Мертвые души» занимают **ситуации речевого этикета**.

В изображаемых ситуациях ярко проявляется мастерство Гоголя-сатирика и юмориста. «Смех — великое дело, — писал Н. В. Гоголь, — он не отнимет ни жизни, ни имения, но перед ним виновный, как связанный заяц».

Сатирическое жало гоголевского смеха направлено на все прошлое, грубое, мелочное, все, что унижает достоинство человека, мешает ему жить, в какие бы одежды это ни рядилось. «Мертвые души» — не ревизские мертвые души, а все эти Ноздревы, Маниловы. Где интересы общие, живые, в которых живут все вокруг нас дышащие люди?» — с болью и гневом писал А. И. Герцен.

Н. В. Гоголь показывает помещиков-крепостников практически во всех ситуациях речевого этикета, используя при этом **различные стилистические приемы**.

Чтобы отчетливее представить сущность явления и сильнее воздействовать на разум и эмоции читателей, Гоголь-сатирик прибегает к **преувеличению, заострению, карикатуре. Гротеск, гиперболизация** доведены до предела. Если уж зять Ноздрева извиняется, то так долго повторяет свои извинения, что не замечает, *«как сам уже давно сидит в бричке, давно выехал за ворота»*¹. Нет предела приторной слащавости в обращении со своей семьей и гостями у Манилова. Прощаясь с Чичиковым, Манилов *«никак не хотел выпускать руки нашего героя и продолжал ее жать так горячо, что тот уже не знал, как ее выручить»*. Маниловское *«позвольте вам этого не позволить»* — стало в наше время афоризмом. Если уж Чичиков попадает в губернское общество, то он разом оказывается в нескольких объятиях, его «сдают» из рук в руки. Смешны назойливые предположения-услуги Коробочки: потереть спину и почесать на ночь пятки. Вспомните насильственное, чрезмерное угощение у Манилова, Собакевича, Коробочки.

Жена Собакевича, знакомясь с Чичиковым: *«впихивает ему в губы»* свою руку, пропахшую огуречным рассолом.

Н. В. Гоголь успешно использует следующий прием: **неожиданная реакция на формулы этикета**.

Скряга Плюшкин так отвечает на соболезнование: *«Да ведь соболезнование в карман не положишь»*. Плюшкин радуется откату Чичикова «попить чайку»: *«Я, признаться сказать, не охотник до чаю: напиток дорогой, да и цена на сахар поднялась немилосердная»*. В ситуации «Знакомство» на этикетное *«почел за долг познакомиться и принести личное свое почтение»* Плюшкин *«что-то пробормотал сквозь губы, ибо зубов не было, что именно, неизвестно, но, вероятно, смысл был таков: А побрал бы тебя черт с твоим почтением!»*.

Собакевич на вопрос о жизни жалуется на хорошее здоровье: *«Пятый десяток живу, ни разу не был болен»*.

Умело пользуется Н. В. Гоголь приемом **противопоставления речевого поведения персонажей в одинаковых этикетных ситуациях**. Ср. ситуацию «Знакомства» Чичикова с Маниловым и Плюшкиным.

Чичиков *«с своими обворожительными качествами и приемами, знавший в самом деле великолепное искусство нравиться»*,

¹ Гоголь Н. В. Мертвые души. М.: Советская Россия, 1988.

широко использует в речи комплиментарные формы, формы одобрения и завышенной оценки: «Очень хороший город, прекрасный город». «Общество самое обходительное». «Приятная комнатка». Похвалой Чичиков умеет вызвать к себе расположение Коробочки: «Настасья Петровна? Хорошее имя Настасья Петровна. У меня тетка родная, сестра моей матери, Настасья Петровна». «У вас, матушка, блинцы очень вкусные». Ср. этикетные формулы вежливого отказа в речи Чичикова: «А вот меду и не купил бы. Нет, матушка, другого роду товаров». «Нет, уж чайку пусть лучше когда-нибудь в другое время».

— Позвольте мне вас попотчевать трубочкою. — Нет, не курю, — отвечал Чичиков ласково и с видом сожаления. «Покорнейше благодарю, я сыт, приятный разговор лучше всякого блюда».

Обращает на себя внимание обилие слов с суффиксами уменьшительности и ласкательности в речи Чичикова: *матушка, чайку, блинец, товарец, тучки*.

Слова с дополнительным оценочным значением Гоголь ввел не только в высказывания Чичикова, но и Манилова, а также в авторскую речь, рисующую этого приторно-липкого человека: «Жена его... впрочем, они были совершенно довольны друг другом. Несмотря на то что минуло более восьми лет их супружеству, из них все еще каждый приносил другому или кусочек яблочка, или конфетку, или орешек и говорил трогательно-нежным голосом, выразившим совершенную любовь: «Разинь, душенька, свой ротик, я тебе положу этот кусочек».

«Становится ли речь, уснащенная уменьшительными суффиксами, более вежливой?» — размышляет Г. А. Золотова. И отвечает: «Вряд ли. За ними чувствуется не столько вежливость, сколько заискивающий тон, желание быть угодным, не натолкнуться на отказ». Г. А. Золотова отмечает и в современной речи подобные фразы: «Пожалуйста, дайте мне конвертиков без марочек на пять копеечек», «Будьте добры, колбаски полкило!», «В понедельник позвоните!», «Два билетика, прошу вас!»²

Другой герой гоголевской поэмы «Мертвые души» — Собакевич — наоборот не скупится на резко-отрицательные словесные характеристики своих ближних: все городские знакомые Собакевича — «это все мошенники, весь город там такой: мошенник на мошеннике сидит и мошенником погоняет. Все хриstopродавцы. Один там только и есть порядочный человек: прокурор, да и тот, если сказать правду, свинья».

² Золотова Г. А. Как быть вежливым? // Русская речь. 1985. № 5.

Гоголь противопоставляет многословную речь Манилова краткой, отрывистой речи Собакевича. В этом отношении показательна ситуация «Приглашение к столу».

Контрастными являются абсолютное согласие Чичикова и полное несогласие зятя Ноздрева. Гоголь использует при этом не только диалоги героев, но и авторский пересказ, комментарий.

Так, о зяте Ноздрева он пишет: *«Белокурый был один из тех людей, в характере которых на первый взгляд есть какое-то упорство. Еще не успеешь открыть рта, как они уже готовы спорить и, кажется, никогда не согласятся... плясать по чужой дудке, а кончится всегда тем, что в характере их окажется мягкость, что они согласятся именно на то, что отвергали, глупое назовут умным и пойдут потом поплясывать как нельзя лучше под чужую дудку — словом, начнут гадью, а кончат гадью».*

Резко противопоставлены в поэме и формы обращения. Так, *«исторический человек»* Ноздрев, хвастун, пустой болтун, сплетник и мелкий жулик, обращается с Чичиковым фамильярно — на «ты», а Манилов даже кучеру Селифану сказал один раз «вы».

Таким образом, резкое противопоставление характеров персонажей находит свое воплощение и в выборе этикетных формул.

Писатель-сатирик филигранно обрабатывает каждую ситуацию речевого этикета. Так, «согласие с мнением собеседника» дается с различной стилистической окраской и прагматическим эффектом. Формы согласия используются как в диалогах, так и во внутренних монологах персонажей.

В речи Чичикова употребляются формы полного, абсолютного, уклончивого и вынужденного согласия. Ср. полное согласие в пересказе: *«Чичиков согласился с этим совершенно... Чичиков изъявил готовность совершить ее хоть сию же минуту».* И как ответная реплика в диалоге: *«Совершенная правда; Совершенная справедливость».* **Поспешное согласие (уклончивое):** *«Купим, купим, всего купим, и свиное сало купим».* **Вынужденное согласие:** — *Дрянь же ты! — Что ж делать? Так бог создал.* Ср. просторечные формы согласия в речи Плюшкина и Коробочки: *«Ай ей богу так! Ей богу правда!»* — сказал Плюшкин... — *Ох, отец мой, и не говори об этом! — подхватила помещица. — Уж это, точно, правда. Уж совсем ни на что ни похоже.* Наконец, тупое и равнодушное согласие пьяного Селифана на угрозу Чичикова высечь его: *«Как*

милости вашей будет завгодно, — отвечал на все согласный Селифан, — коли высесть, то и высесть, я ничуть не прочь от этого. Почему же не посесть, коли за дело, на то воля господская».

Что же помогло Павлу Ивановичу Чичикову добиться успеха? Он, несомненно, умный и проницательный человек, хорошо знающий среду, в которой живет: «О себе он избегал много говорить, если же говорил, то какими-то общими местами, с заметной скромностью. Приезжий во всем как-то умел найтись и показал в себе опытного светского человека. О чем бы разговор ни был, он всегда умел поддержать его».

Н. В. Гоголь мастерски применяет стилистический прием коммуникативного переключения. В этом плане интересна речевая характеристика Чичикова. В разговорах с «сильными мира сего» он «очень искусно мог польстить каждому», с Коробочкой особо не церемонится, а Селифана может остановить: «Молчи, дурак!». «Перечислить нельзя всех оттенков и тонкостей нашего обращения», — иронизирует писатель. Гоголь противопоставляет по этикетности внутренние монологи Чичикова его репликам в диалогах. Ср. (про себя): «Ну уж черт его побери, прибавлю собаке на орехи и (вслух). Извольте, по полтине прибавлю». Пронырливый карьерист, подхалим, аферист и стяжатель, внешне «преприятный и достойный человек», Чичиков в беседе с Маниловым самоуничижается, называет себя «ничтожным человеком», а Ноздреву не позволяет себя оскорблять: «Если хочешь пощеголять подобными речами, так ступай в казармы». «Уже всякое выражение, сколько-нибудь грубое или оскорбляющее благоприятность, было ему неприятно, — подчеркивает писатель. — Он даже не любил допускать с собой ни в коем случае фамильярного обращения, разве только если особа была слишком высокого звания».

Павел Петрович всегда тщательно обдумывает, в какой форме обратиться к собеседнику, извлекает, как фокусник, из своего арсенала этикетные формулы и умело использует их. Например, при встрече с Плюшкиным «долго не мог он придумать, в каких бы словах изъяснить причину своего посещения. Он уже хотел было выразиться в таком духе, что, наслышась о добродетели и редких свойствах души его, почел долгом принести лично дань уважения, но спохватился и почувствовал, что это слишком. Искоса бросив еще один взгляд на все, что было в комнате, он почувствовал, что слово «добродетель» и «редкие свойства души» можно с успехом заменить словами «экономия» и «порядок», и потому, преобразовавши таким образом речь, он сказал,

что, наслышась об экономии его и редком управлении имениями, он почел за долг познакомиться и принести лично свое почтение».

Именно потому, что Чичиков «во всем умел найтиться», «все это умел облекать какою-то степенностью», «умел хорошо держать себя», говоря «ни громко, ни тихо, а совершенно так, как следует — пишет Н. В. Гоголь, — все чиновники были довольны приездом нового лица и приглашали его то на обед, то на бостончик, то на чашку чая. Даже сам Собакевич, который редко отзывается о ком-нибудь с хорошей стороны, сообщал своей жене: «Я, душенька, познакомился с коллежским советником Павлом Ивановичем Чичиковым: преприятный человек!».

При всех своих отрицательных качествах характера Чичиков как бы заставляет нас задуматься: умеем ли мы так поздороваться, попрощаться, попросить или спросить о чем-либо человека, чтобы ему было приятно ответить вам? Способны ли вы вызвать интерес и чувство доверия? Если с вами грубят — находите ли вы ответную реакцию, помимо собственной грубости? Согласитесь: грубость не всегда лучший ответ на грубость. Но есть ли у вас умение осадить грубияна, сделать его поневоле вежливым. Доброжелательная тональность общения может быть достигнута при помощи выражений речевого этикета. Вовремя произнесенное извинение, уместная благодарность, уважительное обращение создает тот микроклимат общения, к которому мы все стремимся.

Речевой этикет, культура речи тесно связаны с культурой поведения, а значит, и с культурой человека вообще. В поэме множество ситуаций, где герои ведут себя, не соблюдая правила хорошего тона. Собакевич то и дело наступал Чичикову на ногу. Вслед за этим следовало обычное извинение: «Прошу прощенья! Я, кажется, вас побеспокоил».

Во время обеда сын Манилова Фемистоклюс укусил за ухо своего брата Алкида. Собакевич описывает подробности приготовления пищи в городе: «Все, что ни есть ненужного, что Акулька у нас бросает, с позволенья сказать, в помойную лохань, они его в суп!». С великолепным юмором пишет Гоголь о Чичикове: «В приемах своих господин имел что-то солидное и высмаркивался чрезвычайно громко. Неизвестно, как он это делал, но только нос его звучал, как труба».

С большим мастерством изобразил Гоголь грубого и наглого помещика Ноздрева: — *Куда ездил?* — говорил Ноздрев и, не дождавшись ответа, продолжал: — *А я, брат, с ярмарки. Поздравь: продулся в пух! Веришь ли, что никогда в жизни так не продувался. Ведь я на обывательских приехал! Вот посмотри нароч-*

но в окно! — Здесь он нагнул сам голову Чичикова, так что тот чуть не ударился ею об рамку. — Видишь, какая дрянь! Насилу дотащили, проклятые, я уже перелез вон в его бричку. — Говоря это, Ноздрев показал пальцем на своего товарища. (Хороший же собеседник сразу выделяется речевым этикетом, умением не перебивать и выдерживать паузу, притом не только при диалоге, но и при монологе.)

В поэме «Мертвые души» Н. В. Гоголь поэтически воспел красоту родного языка и выразил нетерпимое отношение к его искажению и обеднению. В этом плане интерес представляет речевая характеристика дам города N, которые отличались необыкновенной осторожностью и приличием в словах и выражениях. «Никогда не говорили они: Я высморкалась, я вспотела, я плюнула, а говорили: Я облегла себе нос, я обошла посредством платка».

Почтмейстер мешками уснащивал свою речь словами-сорняками (*сударь ты мой, эдакий какой-нибудь знаете, понимаете, можете себе представить, относительно так сказать, некоторым образом*). Воспроизводимые автором частицы в речи почтмейстера играют выразительную стилистическую роль в композиции рассматриваемого отрезка. Они, объективно демонстрируя косноязычие «цветистого в словах» почтмейстера, подчеркивают сатирический смысл сообщения автора о том, что «почтмейстер вдался более в философию и читал весьма прилежно «Юнговы ночи».

Смех Гоголя и сегодня не утратил своего обаяния и своей боевой силы. Он продолжает служить источником эстетической радости и вместе с тем замечательным оружием борьбы против невежества, бескультурия, всяческой ржавчины, как в поведении, речи, так и в сознании людей, всего того, что мешает нашему обществу в его движении вперед.

Сатирическое описание ситуаций речевого этикета в поэме «Мертвые души» — это своеобразный справочник по тому, как надо и нельзя себя вести. Нашим современникам было бы полезно почаще заглядывать в этот «справочник».

Японский критик Сугиура Мимпей писал: «Смех Гоголя горек, так как в нем ощущается боль за человека». В этих словах заключается то сокровенное, человеческое, которым отличается творчество Гоголя.